

*Андрей
Кратенко*

ДЕВЯТЬ КОЛОДЦЕВ ЛЮБВИ

Считается, что Жарминский район – это край золотых россыпей и певучих акынов. Теперь выяснилось, что это ещё и девять колодцев любви. О них мы слышали давно, а увидеть пришлось недавно.

В райцентре, селе Калбатау (бывшей Георгиевке), местный чиновник с воодушевлением говорил, что возле аула Аршалы стоит высокая гора, он называл её Белковой, там-то и находятся странные горные образования, которые наводят на мысль об их космическом происхождении. Это знаменитые аршалинские колодцы. С вершины и до низа спускаются идеально круглые каменные чаши разного диаметра. Вода переливается из одной в другую, точно кто-то специально понаделал эти ванны. Местные жители якобы часто наблюдают здесь загадочные огненные шары. Они висят то над озером, то над горой, словно проверяя, все ли там в порядке. В советские времена к Аршалинской сопке приезжали на поезде из Новосибирска собиратели мумие.

Издавна жарминская земля связывала караванными дорогами юг с севером. Неслучаен интерес к этим местам путешественников и географов. Бывали здесь Ч. Валиханов, П. Семенов-Тян-Шанский, Г. Потанин, В. Обручев, А. Янушкевич и другие.

Жарминцы гордятся богатым историческим прошлым. Здесь воевали против джунгар батыры Еспенбет и Боранбай би, Конакай и Нарбота, Каракожа и Жанибек, Жаланаши и Бекжан, Ақтамберды, Иткара, Барак и многие другие. Недалеко от Калбатау на высоком холме появился величественный монумент одному из них – Ер-Жанибеку.

Жарминский район – это родина народной писательницы Казахстана Турсынхан Абдрахмановой, первой женщины – дирижёра республиканской хоровой капеллы Гульжазире Ахметовой, доктора биологических наук академика Найлы Базановой, певицы Розы Рымбаевой и продюсера Бари Алибасова. Музей Бари Алибасова создан в его родной Шарской школе.

Природа наделила этот край разнообразием. Зелёные холмы, живописные горные урочища, многочисленные реки и озёра. Самое известное из них – солёное озеро Арасан. Целебные свойства его грязей известны давно, по своим качествам они не уступают знаменитым грязям местечка Маилды Павлодарской области. Лечат кожные заболевания, болезни суставов.

Любители рыбалки без особого труда смогут выловить из солёных вод Арасана сазанов и линей. Нас приятно поразила почти девственная чистота берегов и пляжей.

Вскоре на горизонте возникает величественный силуэт Белковой горы, над которой якобы постоянно вьются огненные шары. Увы, кроме грозовых туч и орлов мы там ничего не заметили. Название аула произошло от священного для казахов растения Арши, то есть вереска. Считается, что он отгоняет злых духов. Если это так, то таинственные пришельцы не имеют к ним никакого отношения, потому как вереска в тех горах много.

В клубе нас встречает заведующий Серик Салимов. Он немного разочарован: «А я думал, какая-то комиссия приехала...» Серик соглашается стать нашим проводником и показать девять колодцев. По-казахски данное место называется Тогыз кудук. Русские люди почему-то называли его Холодисккой.

Справа от дороги, возле вышки ретранслятора, начинается тропа. Даже на голых скалах угадывается правильное направление. И вот уже самый нижний колодец (самый большой и открытый) предстаёт во всей красе. Изумрудный мох украшает стены. Хрустально чистая вода стекает в круглую чашу широкой тонкой струёй. Идём выше, считаем попутно каменные сосуды: один, два, три... Точно девять штук.

Ветер свободы, ароматы весны, просторы белого света – всего этого тут в избытке.

– А легенды какие-нибудь, – спрашиваю, – есть у этого места?

– Без понятия, – отвечает Серик. – Я же молодой... – Поразмыслив, добавляет: – Гостей своих сюда водим, свадьбы играем. Женщины ковры стирают. А я стихи сочиняю...

И вдруг он начинает читать нам прямо здесь, на вершине, свои вирши о любви к родному аулу. Любви этой в его стихах было так много, и она была такой искренней, что могла бы до краёв заполнить все девять аршалинских колодцев...

РЕКОРДЫ КАРАГУЖИХИ

Из-за бездорожья таёжная деревушка Карагужиха, рядом с которой падают отработанные ступени космических ракет, на полгода уходит в отрыв от большой земли. Снега и весеннее половодье делают это поселение недоступным. Десять лет здешний люд жил без электричества. Почта приходила редко. Магазинов в привычном виде нет. Но деревня всё ещё жива. Работает школа из шести учеников и одного учителя. Мужики валят лес. Бабы управляют с домашним хозяйством. И все вместе ставят рекорды. На выборах президента они, между прочим, проголосовали первыми.

Летом в Карагужиху ездят многие. По убитой дороге сюда изредка наведываются акимы, депутаты, туристы. А мы решили проведать деревню зимой. Доехали до горы Снегирихи с рудником на вершине. Здесь шоссе заканчивается. До Карагужихи остаётся 16 километров, и они самые сложные. Надеваем лыжи и катимся вниз вдоль русла речки. По пути догоняем группу туристов из Усть-Каменогорска. Это наши знакомые. Пять мужчин и одна женщина – Татьяна Мазур. Именно она организовала рискованный зимний поход. Маршрут у ребят сложный и длинный – 250 километров. Вернуться домой они намерены к 8 марта.

Отличный подарок придумала себе Таня – помыться в ванне и уснуть в тёплой постели после десяти дней походных испытаний.

Вместе с туристами по дороге бежит молодая жительница Карагужихи – Лена Белова. Три дня она, дожидаясь попутчиков, жила в вагончике у подножья Снегирихи. Ходила в соседнюю деревню, чтобы выправить в акимате какие-то документы. Теперь возвращается. Рассказывает о стаях волков. О том, что в одиночку никто не рискует ходить по этой дороге.

– Мало ли как может быть, – поясняет Лена. – Вдруг ногу подверну. Куда я одна?

По лыжне Лена дойдёт до дома за три с половиной часа.

Ну, вот и Карагужиха. Бревенчатые домики по самую крышу утопают в снегу. Вместо дорог узкие траншеи. Подходим к дому Гусевых. Белобородый хозяин в красном свитере стоит на крыльце. Это Иван Абрамович, правнук Фёдора Гусева, который в начале 1900-х годов в поисках справедливости поднял на уши всех царствующим особ Западной Европы.

Сквозь лай собаки слышу вопрос хозяйки Нины Александровны:

– Устали?

– Немного, – отвечаю. – Зато повторили подвиг Людмилы.

Людмила – дочь Гусевых. Она директор местной школы. И бывало, что на лыжах по служебной надобности она бежала в город. 16 километров Люда преодолела всего за 2,5 часа.

При нас Гусевы переводят двухнедельного телёнка Буяна из дома в старую баню. Иван Абрамович предварительно согрел паяльной лампой пространство, бросил сена, и Буян справил новоселье. А нас угощают сытным обедом. К чаю подают земляничное варенье. Мы хвалим, в ответ хозяйка сокрушается по поводу того, что в городе сегодня такие вкусные сдобы пекут. И с маком, и с изюмом.

– А он любит сдобу с молочком, – говорит Нина Александровна, кивая на мужа.

Старики рассказывают о февральских ливнях, когда все боялись, что Убу сорвёт. Нина Александровна волнуется за судьбу внучки, которая окончила вуз на отлично, а работу найти до сих пор не может. В Карагужихинской школе осталось всего шесть ребяташек. Женя Рыжий, Надя Шалагина, Катя Кашина... Иван Абрамович перебивает перечисление имён сетованием на то, как тяжело было в эту зиму сбросить снег со школьной крыши. Площадь огромная. Дожди пошли, снег намок, потяжелел, и Людмила боялась, что огромная снежная масса раздавит школу. А мужики даже за деньги не хотели работать.

Когда стемнело, в некоторых домах зажглись голубые экраны. Выяснилось, что таёжные жители обзавелись солнечными батареями китайского производства. Днём ставят на зарядку, а вечером пользуются. У Гусевых кремниевой батарейки пока нет. Вместо телевизора Гусевы слушают транзисторный радиоприёмник. Передача «Чего старенького?» самая любимая. Звучат хиты давних лет. Иван Абрамович подпевает Георгу Отсу:

Услышь меня, хорошая,

Услышь меня, красивая,

Заря моя вечерняя,

Любовь неугасимая...

– Люблю, – говорит старик, – старые песни. А вот Пугачёву терпеть не могу. Сразу выключаю...

Мы ещё поговорили о столичных новостях, заказных убийствах, смерти бывшего первого секретаря обкома партии Александра Протозанова, но всё это не слишком волнует людей, живущих в тайге без привычных благ цивилизации. Зато голос Утёсова находит отклик в сердце.

Спать ложатся рано. Встают затемно. Утром мы застали хозяйку за лепкой пельменей, хозяина – за чтением старинного церковного фолианта.

После завтрака собираемся в обратный путь, и старики просят передать деньги своей старшей дочери Светлане.

На обратном пути нас догоняет Александр Фёдоров. Родом он из Карагужихи. Мать его когда-то долго работала начальником местного вертодрома. Было время, сюда летали вертолёты с пассажирами. Теперь – только с космическим мусором. Александр работает специалистом на базе «Росавиакосмоса». Российские военные с помощью казахстанских авиаторов собирают в тайге возле Карагужихи обломки ракетных ступеней. И наш спутник охотно рассказывает, что ракеты «Союз» работают на керосине, который полностью выгорает. Топливные баки грузовых ракет «Протон» заполняются токсичным гептилом. Загрязнения от него якобы не обнаружено, но работать все-таки приходится в респираторах и противогазах.

Слушая «космонавта», я невольно воскликнул:

– Какие контрасты! Прошрое и будущее, земное и космическое – и всё в одной деревне...

ПО БУХТАРМЕ

Река Бухтарма. В истоках она белого цвета, что выдаёт ледниковое происхождение. Благодатный край. Буйная растительность, обилие живности и рыбы, первозданная красота гор и долин – все это давным-давно породило легенду о сказочной стране с молочными реками и кисельными берегами. Как ни странно, именно отсюда 150 лет назад местные старообрядцы-каменщики уходили на поиски фантастического поселения – Беловодья. Хотя оно было у них под ногами. И мы давно мечтали посмотреть на него – от начала до конца. От истоков – до устья. Лучший способ для этого – сплав.

В старину на Бухтарме существовали профессионалы-сплавщики, которых называли плауками. За деньги они сплавляли грузы и пассажиров по реке. Строили плоты в районе деревни Согорной. На плоту ставили укрытие от непогоды. Было место для костра и лошадей.

Староверы использовали Бухтарму и в качестве способа наказания. Они сажали преступника на плот, оставляли минимальный запас продуктов и отправляли вниз по реке. Охотно пользовались водной дорогой купцы, которые скупали в верховьях реки мёд и переправляли в город практически бесплатно.

Известный исследователь Алтая В. Сапожников сплавился на плоту по Бухтарме в конце июля 1906 года. Ровно через сто лет по тому же маршруту сплавились я, мой сын Иван и Алексей Мазницин. За три дня мы проплыли на резиновом плоту 120 километров – от Согорной до Лесной Пристани.

Перед плаванием бывалые путешественники пугали нас, что река коварна, встречаются камни, пороги, завалы, возле берегов торчат колья, над водой висят тросы и т. д. Но мы всё-таки рискнули. Душа жаждала успокоения, кровь – адреналина, хотелось раствориться во времени, всецело отдаться течению реки, чтобы выплыть как бы полностью обновлённым человеком.

Ниже Согорной мы нашли место, где в Бухтарму вливается речка со знаковым названием Белая. Поставили палатку, наловили подлещиков, сварили уху и выпили по стопке беленькой.

– Ну, – энергично начал Алексей, – за Беловодье!

Утром он разбудил меня тревожным шёпотом:

– Тихо, на тебе огромный паук.

– Чёрная вдова?

– Нет, белая.

– Естественно, – отвечаю, – мы же в Беловодье...

Горячий кофе, свёртывание лагеря, погрузка вещей на плот, и мы отчаливаем. Водитель Костя с завистью смотрит, как наше утлое судёнышко подхватывает стремительное течение. Мы выгребаем на середину и бросаем весла.

– Самое главное, – говорит Алексей, – здесь курить можно. Тут вам не машина, тут климат иной. Ах, какой пейзаж!

Картинка, точно в кино, меняется. Как замороженные, мы безмолвно любуемся рекой, не отрываем глаз от малахитового цвета воды. Возникает ощущение, что плывём не по реке, а во времени – от начала до конца. Бухтарма – это как бы цельная метафора жизни. Река, как живая, всё время менялась. И наш резиновый плотик периодически натывается на подводные камни, бьётся о скалы, временами его захлёстывают волны, быстрое течение швыряет на крутых виражах, после чего река вновь затихает, и мы плавно скользим вдоль живописных берегов. Так и вся наша жизнь: праздники сменяют будни, взлёты – падения, любовь – ненависть.

Перед Печами, возле притора, замечаем выгон для скота, избушку. Причаливаем. Находим пастушков. 15-летние братья Канат Алпысбаев и Талгат Болтынов пасут 57 коров и два косяка лошадей. Они подсказывают, что рыба начинает клевать лишь к обеду. Канат хочет выучиться на слесаря и вернуться в родное село. «А почему, – спрашиваю, – его называли Печи?» «Говорят, – отвечают мальчишки, – что первые поселенцы нашли на берегу глиняную печь, от неё и название такое». «А вы что-нибудь слышали, – говорю, – о таинственной стране Беловодье?» «Нет, – отвечают. – Никогда...» Вместо Беловодья пастушки с восторгом рассказали о местном герое – чемпионе по гиревому спорту Мурате Жексеневе. Не забыли похвастать и своим дедом Болтыном, который всё из дерева может сделать, даже сани...

Причаливаем к галечной косе, чтобы пообедать. Собрали плавник. Горит он, как порох. Поставили котелок. Из кустов вышел человек. Сказал, что косит на берегу сено. Увидел нас и решил пообщаться. Серик Аренев с грустью поведал о своём житье-бытье. У него четыре дочери. И чтобы выучить их, Серику пришлось продать трёх коров и легковую машину.

– Скотину, – говорит Серик, – вырастить нелегко, а продавать приходится за бесценок.

– Может быть, река кормит?

– Река? Да ну! Не подпускают же. В районе создали государственный национальный парк. На сто семей десять егерей. Зачем держать такую ораву? Деньги платят большие, а что они охраняют? Живём возле речки, а рыбачить нельзя. Билет заставляют покупать. Сто тенге – путёвка. Раньше люди не кочевали, а сейчас многие поехали с насиженных мест. Кто приватизировал трактор, тот ещё ундай-мундай (т. е. более или менее).

Плывём дальше. Следующая деревня – Коробиха. Из крайнего дома доносится громкая музыка. Возле калитки стоит бородатый мужчина лет пятидесяти пяти с загорелым лицом шкипера. Это Василий Сидоров. Потомок здешних первопоселенцев. По молодости он много путешествовал. Служил в Германии, окончил мореходку на Балтике, ходил по морям и океанам на разных судах. Был и в Америке. В общем, посмотрел мир. В Москве пожил. Работал на ткацкой фабрике, в милиции. А потом родная деревня вдруг позвала к себе так властно, что забыл Вася обо всём на свете, вернулся домой, к «ненаглядной певунье своей». Всё случилось, как в песне Михаила Ножкина «Я в весеннем лесу пил березовый сок»:

И носило меня, как осенний листок,
Я менял города, я менял имена,
Надышался я пылью заморских дорог,
И не пахли цветы, не блестела луна...
Зачеркнуть бы всю жизнь, да сначала начать.
Улететь к ненаглядной певунье своей.
Да вот только узнает ли родина-мать
Одного из пропавших своих сыновей?..

– Мне, – говорит Василий, – лучше здесь, вот на этой речке. Тут и сурки, и рыба. Тянет сюда. На эту вершину слажу – у-уу, красотиша! Раньше и с ружьишком погуляешь, а теперь запретили, ну хоть так позаглядываешь. Вроде, и рыбка есть. А ловить нельзя. Всё по выписке. С той стороны горы можно ловить, а с этой нельзя. Как это понять? Речка одна, а права у людей разные. Хотя ловим исключительно для себя, кому здесь продашь?

С печальным вздохом Василий Сидоров говорит, что пустеет деревня. Рубленные дома, покрытые жестью, стоят 30-40 тысяч тенге. Почти даром. Приезжают КамАЗы и увозят Коробиху в город.

– А так, – говорит Василий, – живём тихо, мирно. Ну, иной раз перепьют мужики, носы поразбивают – и снова тихо.

Новый собеседник – Евгений Иванович Ершов, 1938 года рождения. Он подошёл к нам неуверенной походкой, предложил выпить по стопке, а затем сообщил:

- Живу в этих горах сызмальства. 33 года отработал трактористом.
- Деревня нравится?
- Ну, в Россию не поеду. Вот в Россию, парни, не поеду. Капитально вам говорю. Как я здесь родился, так и умру. Никуда я отсюда не поеду. Вот, раньше сюда бежали, как их... ну, эти самые....
- Кержаки?
- Ну да. С Киргизии, что ли?
- Нет, с реки Керженца.
- Ну да, так вот. Они сюда бежали, а я взад ни за что не побегу...

В Коробихе появилась старообрядческая церковь. Построили храм супруги Валентина Михайловна и Иван Манович Мурзинцевы. Мы сходили к ним. Расспросили обо всем, и узнали, что в конце 1990-х Валентина Михайловна сильно заболела, три месяца не поднималась. А потом было некое видение. Как бы знак свыше.

– После этого, – говорит Валентина Михайловна, – я выздоровела, перед Богом раскаялась и дала ему обещание построить церковь. Купила сруб и начала строить. Сама плахи строгала, сама штукатурила. Топорная работа получилась, зато надёжная. Никто, кроме мужа, не помогал. Себе дом построила, Богу построила, детей вырастила, деревья посадила, теперь и умереть могу спокойно...

В шести километрах от Коробихи деревня Усть-Язовая. Пока плывём до неё, пробуем поймать на удочку хариуса. Но все попытки тщетны.

– Да нет такой рыбы – хариуса, – в отчаянии произнёс Иван.

Замечаем на берегу лодки-казанки с двигателями. Забор. Калитка. В тени под берёзами крепкий стол и лавки. Пристаем к берегу. Навстречу выходит Валерий Коновалов. Он приехал из Серебрянска, чтобы помочь родителям управиться с сенокосом. В деревне всего 13 дворов. А прежде здесь работал леспромхоз, было отличное снабжение. Сейчас народ живёт натуральным хозяйством.

Появляется хозяин дома – Павел Иванович Коновалов. Следом подходит старший брат Валерия – Виктор. Мы представляемся, и я говорю, что хочу написать о Бухтарме и бухтарминских людях.

– Люди, – отвечает Павел Иванович, – в Кремле, а здесь рвань. Так и напиши.

– Но ведь жизнь, – спрашиваю, – становится лучше?

– Конечно, лучше, – саркастически соглашается старик. – В колхоз не гонят, из колхоза не выгоняют, хочешь, работай, хочешь, голодай, вот вторую неделю без света сидим: отличная жизнь, ничего не скажешь!

Сам по себе Павел Коновалов мастеровой мужик. В 13 лет сделал матери самопряку. Выучился столярному мастерству, научился делать деревянную посуду, мебель, сани.

– Оно и раньше так было, – поясняет старик, – один родится – на все руки мастер, а у другого – не с того места растут.

Похвастал столяр своими гробами. Для себя сделал и для супруги.

– Говорю жене, – рассказывает он, – ложись в гроб, примерить нужно. «Нет, боюсь!» – «Чего ты боишься?» – «Я лягу, а ты крышку забьёшь...»

Чем ниже по течению, тем Бухтарма становилась теплее и светлее. Мы купались, кипятили чай. Сами собой рождались занятные диалоги.

– У нас так, – заметил Алексей, – работаем – мёрзнем, едим – потеем.

– Откуда, – спрашиваю, – в тебе столько мудрости?

– Дык не мальчик уже, попробуй прожить столько, сколько я.

– Да много ли?

– Немало. Мне уже 54, Лермонтов погиб в 27 лет, Пушкин – в 37, Высоцкий умер в 42.

Возле Сенного наблюдаем сцену заготовки сена. Крепкие ребята Николай Затеев и Андрей Носков укладывали высохшую траву в копны. Они рассказали,

что ещё не женаты, но девчонки есть, и что уезжать из родных мест не собираются, потому как «тут привыкли». Главная беда – погода. День нету дождя, а день льёт.

– Вечером выведрит, – рассуждает Коля, – а к утру обязательно польёт...

Никогда прежде я не слышал такой русской речи. Да ещё из уст молодых парней.

Впереди было ещё с полсотни километров, а на корме лежала последняя банка тушёнки, у Алексея осталась последняя пачка сигарет. И мы торопились к финишу.

Ближе к Лесной Пристани горы становятся все положе, течение – менее стремительным, чаще появляются рыбаки и туристы.

Водитель Костя встречает нас возле моста и рассказывает о том, как прикрыл своей тёплой курткой пьяненького деда на пляже. Сходил искупаться, вернулся – ни старика, ни куртки.

– Смышлёный народ на Бухтарме, – удивлялся водитель.

– Это он в низовьях такой, – заметил Алексей, – а в верховьях, где Беловодье, совсем другое дело...

ЗА СОКРОВИЩАМИ АБЛАЯ

– Археология – это наука с привкусом золотой лихорадки... Хотите стать детективами прошлого? – спросил я моих юных друзей Тимура и Дмитрия.

– Как это? – округлились их глаза.

– А так! Берём продукты и едем на Аблайкит, где по легенде спрятан золотой Будда размером с человеческий рост.

После этого уже не надо было уговаривать мальчишек оторваться от компьютерной игры. Реальная игра в археологов показалась им намного интереснее, и они стремглав побежали к машине...

По дороге к месту будущих приключений я рассказывал, что город Аблая, Аблайкит, о котором сегодня напоминают лишь крепостной вал, стена и насыпной фундамент, находится рядом с Сибинскими озёрами, напротив села Алгабас. Немецкий географ и путешественник Карл Риттер сообщал, что джунгарский князь Аблай приказал выстроить здесь два каменных здания и укрепление между скалами, выписал для этого работников из Китая. Известность Аблайкиту принесла храмовая библиотека.

Чтобы добраться до Алгабаса, нам потребовался примерно час времени. Дорога неровная, поэтому приходилось постоянно быть начеку и крепко держать руль.

Доезжаем, наконец, до селения с музыкальным названием и крепким запахом навоза, за последним домом сворачиваем налево, съезжаем вниз к речке Сибе и преодолеваем первый брод. Глубина небольшая, дно каменистое, в общем, испытание не слишком экстремальное, но я всё-таки не советую соваться в воду на авто без полного привода да ещё и с малым дорожным просветом. Поэтому если у вас нет автомобиля, похожего на «Ниву», то лучше оставить транспорт в деревне, надеть сапоги и отправиться в город Аблая пешком. Можно также арендовать у жителей Алгабаса верховых лошадей. Моё первое путешествие в монастырь-крепость было именно таким. Моими проводниками были школьники Аслан и Руслан, и они наперебой рассказывали мне местные легенды.

- А ещё там есть озеро, – говорил Аслан.
- Оно священное, – уточнял Руслан.
- А на дне все монастырские сокровища.
- Искали? – спрашивал я.
- Нырjali, – признался Аслан. – Ничего нет...

После первого брода просёлок уходит влево, потом сворачивает направо. На «сузуки» мы без особого труда преодолеваем второй брод, третий, четвёртый. И каждый раз кто-то из юных археологов восклицает:

- Чувак, ты видел, какую волну мы погнали?!

Мы пересекаем широкую долину, по которой несколькими рукавами течёт река Сибе. Затем забираем вправо и движемся вдоль склона, съезжаем с дороги и поднимаемся в гору почти до перевала. Скалы, цветы, ветер...

Оставляем машину и пешком преодолеваем седло, а затем спускаемся вниз и почти сразу попадаем в долину Аблайкита. Доходим до крепостного вала, находим камни-столбы возле крепостных ворот, останавливаемся у входа, и я рассказываю школьникам о том, что в XVII и первой половине XVIII века, с образованием Джунгарии, возросла опасность захвата казахских земель в Прииртышье и Семиречьё. Стремясь укрепиться здесь и контролировать торговые пути из России в Китай, джунгарские вожди (тайши) ставили крепости, возводили монастыри и храмы. Аблайкит был самым известным историческим объектом в числе таких храмов и укреплений.

Боярин Фёдор Байков по поручению русского царя Алексея Михайловича Романова отправился из Москвы в Пекин, зимовал здесь в гостях у хана Аблая. Привёз, между прочим, царские подарки, в том числе панцирь (кольчугу) Ермака. Именно Фёдор Байков наблюдал за окончанием строительства Аблайкитского монастыря. «А в горах улусы калмыцкие, – писал он зимой 1654 года, – многие кочевья Аблая-тайши. А на Бешке Аблай-тайша делает город. Ставят тот город промеж гор каменных...»

Именно здесь были сделаны такие уникальные находки, как джунгарский меч, древний свиток «дхарани» – санскритский текст с тибетскими литерами, фрагмент письма на бересте, обломки глиняных скульптур и керамики, остатки настенных рукописей, фрагменты облицовки и кирпичи основания колонн храма. Рукописи из Аблайкита первыми обратили внимание учёных мира на восточную литературу...

В долине крепостной стены, сложенной из камня-плиточника, уже нет. А была та стена толщиной в 1,5 метра и высотой 3,5 метра. Она защищала город по всему периметру не только на равнине, но и по горному хребту. Равнинная часть стены давно исчезла, камни развезли по окрестным аулам, говорят также, что из этого материала строили крепость в Усть-Каменогорске. Зато наверху стена сохранилась, она скользит, точно гигантская анаконда, по неприступным утёсам. Трогая рукой старую кладку, кое-где осыпавшуюся, и оглядывая с высоты птичьего полёта всю монастырскую долину, нельзя остаться равнодушным. Сердце бьётся часто-часто, мысли становятся отважными, душа чувствует смысл всего сущего. Понятнее становятся дела и молитвы буддистских монахов, которые когда-то проповедовали здесь умеренность, медитацию и любовь к ближнему.

Выглядел монастырь очень красиво. На высоком искусственном фундаменте (только он и сохранился) стоял главный храм с пристройкой перед ним. Из белого

кирпича, с деревянным верхом и крышей из черепицы, глазурированной в голубой и зелёный цвет. Внутри храма, на середине зала, находился пьедестал, на нем – статуя Будды. Здесь же стоял шкаф с выдвижными ящиками, в которых хранились священные рукописи. На полу лежали ковры из китайского шелка. Возле восточных ворот располагалось второе кирпичное здание, в нем жили монахи. Третье помещение – хозяйственное. Свита Аблая и он сам жили в юртах.

В Аблайките монахи прожили всего два десятка лет. Потом начались междоусобные войны, Аблай покидает монастырь, после чего храм и рукописи оказались обречёнными на гибель. Покидая святилище, монахи ничего не взяли с собой. Все должно было остаться на месте. Но остались одни камни...

Да ещё легенды. Так, к примеру, ходит легенда, что во время осады Аблай утопил в озере золотую статую Будды высотой в человеческий рост. Местные жители рассказывают также историю о казахском батыре, который якобы поспорил с калмыцким богатырём и затащил на вершину горы огромный камень. С той поры якобы и осел тут казахский народ. Рассказывают ещё об озере-черте и пещере Баукуус, в которой будто бы спрятаны золотые сокровища Аблайкита.

Мои детективы прошлого поковырялись лопатой в насыпи, на которой когда-то высился храм с голубой черепицей, и выкопали-таки пару обломков с глазурью небесного цвета, но это почему-то не вызвало у них восторга.

– Что это? – спросил Тимур.

– Кусочек кровли, – ответил я.

– Или осколок тарелки, – предположил Дима.

– Которую разбила древняя женщина в припадке ревности, – улыбнулся Тимур.

– Изучая осколки домашней посуды, – пояснил я, – археологи давно пришли к выводу, что семейные отношения во все времена почти не менялись.

– Монахи знали это?

– Они, конечно, обладали какой-то мудростью.

– Поэтому и не женились?

– Кто знает...

По едва заметной тропке мы пришли к потаённому озерцу, которое спряталось в узкой расщелине между скалами почти на вершине хребта. Дети напряжённо всматривались в его тёмные воды, полагая, что в ярких лучах весеннего солнца вот-вот сверкнёт золотой лик улыбающегося Будды, но тщетно, тщетно...

